

Светлана Магидсон

ДВА ДРУГА-ХУДОЖНИКА Мишель Ле-Данто и Кирилл Зданевич, только что приехавшие из Франции, прогуливались по Головинскому проспекту старого Тифлиса. Город, как им показалось, кипел жизнью. Звучала всюду легкая, без характерности, музыка, то ли французская, то ли польская... Нарядная публика медленно шла по проспекту, заходила в рестораны, в которых все было на французский лад — кухня, вина, напитки. А друзьям хотелось посидеть в погребке.

Художники, осмотревшись, обратились к старикам-грузинам, знавшим толк в традициях, настоящей еде.

— О, только не ходите в рестораны — идите в духан, там увидите Галактиона Табидзе... А еще лучше — в погребок на Привокзальной площади, там и белое вино отменное, и грузинская музыка звучит, и традиции соблюдаются.

Друзьям была по душе знойная, божественная атмосфера старинных погребков, где шли споры о вине, о жизни. Мишель и Кирилл нетерпеливо ждали долго готовившуюся форель. Взгляд Кирилла неожиданно упал на стенную роспись. Он вздрогнул: на него смотрела знаменитая грузинская царица Тамара...

— Что это: картина, наваждение? Кто автор? — произнес вслух Кирилл. Со стены на них смотрела сама Грузия — величественная и загадочная.

Потом художники отправились на Майдан. В полдень собираются там торговцы посудой... Но лишь на минутку — торговля-то не прекращается. Весело, с какой-то особой удалью, продают южные торговцы живых кур, ярких, кудахчущих, стремящихся изо всех сил взлететь... А зелень, огурцы, орехи, чучхела, мед, яблоки, все выше похвал, все тянется в рот, а персики и виноград покупатели грузили ящиками!.. Базарная площадь кипела: из открытых окон духанов неслись звуки дайры, дивных мужских голосов, исполняющих старинные грузинские песни. В ту пору в духанах знаменитые ашуги, сидевшие там день-деньской, слагали стихи, азурачи, известные всему старому Тифлису, настраивали инструменты, чтобы звучала только что написанная песня сазандара... Какой колоритной, какой артистичной была жизнь этих истинных тифлисцев. Город звенел от их песен и стихов.

Художники заглянули на «песни» в самый большой духан Майдана. И — остоленели: прямо перед дверью висела сверкающая яркими красками картина, написанная на клеенке. По низу шло название, состоявшее из странных (будто немного шатающихся) грузинских букв: «Кутеж Кинто». Кинто... Кто они такие?

О, это любимые герои грузин. Это жрецы улиц. Самые пластичные «заклинатели духов». Прожигатели жизни, веселые балагуры, бродяги. Вот они прилюдно кутят, смакуют еду, да так артистично, что любой европейский гурман позавидует. Да разве это картина? Скорее, акт спектакля. И есть во всем этом какое-то чарующее обаяние китча. Его картины — это просто часть жизни обычных грузин, жизни с ее земной плотью, открытостью общения, артистичностью.

Третий, четвертый духан... открывали художникам еще и еще шедевры — Царя Зверей — «Черного льва», например. Это заставляло их немедленно начать поиски самого автора. А пока друзьям пришлось на ум скупать у духанщиков все «живописные вывески», все клеенки, на которых искрятся не только краски, но и юмор грузинского гения, скупать, чтобы эти, как впоследствии их назовут, «примитивные шедевры» открыть миру.

Нико Пиросманашвили.
Автопортрет

«Маргарита» Пиросмани и реальная Маргарита де Севр в Лувре. Наши дни.

ЦЕЛОЕ МОРЕ ЦВЕТОВ

Актриса Маргарита и живописец Нико

Удалось узнать, что автора «живописи на клеенке» зовут Нико Пиросманашвили, что родом он из солнечной Кахетии, древнего красивого села Мирзани. Там у его отца были большой дом, плодоносящий сад, извещенный во всей Кахетии, багча, винодельческий завод. Поговаривали, что в этом богатом селе занимались виноделием и слагали стихи буквально все. Поэтому и пророчили маленькому Нико богатство: руки у него золотые! Но кто мог предусмотреть судьбу?

Братьям Кириллу и Илье Зданевичам мы немало обязаны. 85 картин художника, многие из которых они сами, вместе с Мишелем Ле-Данто, разыскали и купили, экспонировались на первой персональной выставке Пиросмани в Лувре в 1969 г. Экспозиция картин размещалась не где-нибудь, а в павильоне Марсана, в знаменитом Музее декоративного искусства Лувра.

Особенное внимание посетителей Лувра привлекала большая и немного загадочная картина «Актриса Маргарита». Кажется, написана она в 1909 году, а может быть, чуть позже? Датировка картин у Пиросмани приблизительная. В то время в Тифлисе открывались новые театры, кабаре, приглашали и знаменитых гастролеров... Отделяли по последней моде (в стиле модерн) рестораны, кафе, буфеты, пивные... Привозили вина, коньяки, напитки из Франции, Испании, Германии... Жизнь била ключом. В театре Артистического общества Тифлиса выступали «звезды» московского и петербургского императорских театров, приезжали и балетные труппы из Италии, США, развивались частные антрепризы. С наступлением летних дней вся театральная жизнь Тифлиса как бы перемещалась в загородные сады, опоясывающие город, там происходило рождение новых жанров: варьете, дивертисмента, цирковых антре...

Вслед за Верейскими открылись и знаменитые Артачальские сады, в которые заходили «красавицы», запечатленные Пиросмани. Он любил эту вольную, «садовую» жизнь, эту лас-

кающую глаз зелень, чистый воздух, глаза молодых женщин, искавших приключений. Любил канкан и оперетту.

Однажды он прочитал: «Театр «Бель Вю». Новость! 27 марта 1909 года. Дебют знаменитой артистки еще небывалого в России жанра. Только на 7 гастролей La Belle Margaritta De Sevre. Ежедневно. В Верейских и Артачальских садах. Концерт-дивертисмент в трех отделениях».

Некоторые сведения о предстоящих гастролях Маргариты де Севр, такие, например, как умение «петь шансоны и одновременно танцевать», сообщались и в газете «Тифлисский листок». Имя актрисы редакция всегда выделяла большими буквами. А седьмого апреля газета сообщала об единственном бенефисе «La Belle Margaritta De Sevre», на котором будет представлен «новый парижский жанр — МЕТАМОРФОЗЫ. В бенефисе, который происходил в Верейских садах, участвовали исполнители неслыханных в то время жанров: музыкальные эксцентрики, «трансформатор», венская исполнительница танцев «кек-уок»...

Что за танец «кек-уок»? Модернистский. Мы оказываемся в чисто французской среде, где в танцах господствует игривая, насмешливая грация, свойственная местам ночных развлечений. Это джаз. Его колдовская сила вырывалась из-под контроля и быстро распространялась по миру. В начале XX века — спектакль-дивертисмент и бенефис «Метаморфозы» Маргариты де Севр были неслыханными по смелости и дерзости.

В резком противоречии наглости и нежности» увидел Пиросмани молоденькую актрису Маргариту. После бенефиса, взгляды вая в изящно раскланивающуюся Маргариту, художник тихо сказал: «Жемчужина из драгоценного ларца!» Это вдохновенное высказывание запомнилось многим, на нем и строилась легенда о неразделенной любви актрисы и художника.

Но что знал об актрисе художник, и видевший-то ее всего несколько раз... Все! Хотя реалии были ему не нужны. Не знал он сколько ей лет, двадцать-трид-

цать, занято ее сердце или свободно. Он был уверен, что любовь — это воображение. Для него реальным миром был сладкий мир искусства. А собственное существование было почти иллюзорно.

Никого не рисовал в это время Пиросмани, никого не видел. Сосредоточенно молчал. До всего значительного надо, вероятно, «домолчаться». Картина созревала в его душе. Посмотрите на глаза Маргариты: они чуть-чуть прикрыты, смотрят куда-то вдаль, в них — огонь и печаль, в них — и жизнь, и тайна... А может быть, в ее «взгляд» Пиросмани вложил то, что печалило и его?..

Был ли он счастлив? В творчестве — безусловно. А любовь, истинная любовь существует лишь в нас самих, в душе поэта, художника, и все, что возвращает ее к жестокой реальности, все, что требует удовлетворения, ее убивает. Но ради нее художник иногда жертвует и жизнью, и благополучием...

Женщины... Конечно, они интересовали Нико. Он рисовал их. Но отличающийся нравственностью в сердечных (да и вообще во всех) делах, он никого, кажется, не обманывал. Любовь ведь пришла к нему только однажды.

А признался ли Пиросмани в своем чувстве Маргарите? Вряд ли. Она была молода, прекрасна, все помыслы ее были о театре. Жизнь ее только-только начиналась, расцвет ее искусства был впереди, он лишь мерещился где-то вдаль... А любовь застенчива. Думаю, однако, что оба знали: что-то необычное произошло к ним, посетила их нездешняя гостья.

А как произошло личное знакомство Пиросмани с Маргаритой? Говорят, что застенчивого Нико на очередном спектакле друзья чуть ли не силой представили актрисе, он лишь преподнес ей букет алых роз. Вот и на картине мы видим ее с этим букетом. Поза и выражение лица актрисы не позволяют, пожалуй, предположить близости между ними.

Образ «актрисы Маргариты» реален. Хотя это и обобщенный образ, олицетворяющий вообще

поэтическую сущность женщины. Да, конечно, Пиросмани увидел живую Маргариту, он передал ее земную плоть, ее крепкие ноги в полосатых чулках, ее трепетные, но вполне осязаемые, красивые руки, ее чувственные губы, готовые к поцелую! А большое декольте лишь подчеркивает ее женскую стать. Ему, вероятно, хотелось запомнить и передать в красках образ АКТРИСЫ. Не поэтому ли он и написал ее в гриме, в сценическом костюме, на сцене... Хотя это и портрет, но поза актрисы несколько театральна, выражение лица отрешенно, а положение — статуарно.

...Маргарита Де Севр собирается уезжать. Кончились гастролы. Иногда Пиросмани навещает ее, сообщив, что пишет картину. Не это ли известие заставило ее задержаться?.. Но вот день отъезда назначен. Как выскazać ей свой восторг, свою любовь?.. Он решил это сделать по-своему, как поэт. Он дарит ей цветы! Нет, это не букет и не корзина. Это море цветов... Он их скупил у всех торговцев, во всех магазинах вокруг Верейских садов. И — тарантас за тарантасом, наполненные розами, красными, белыми, желтыми, съехали в гостиницу, где остановилась актриса. Все это казалось «живой картиной». А рядом — шел Пиросмани. Ничего не понимавшие прохожие решили, что Нико просто сошел с ума. Нет, он был, конечно, в здравом уме, но только в здравом уме поэта-романтика. Не раздумывая, продал он свою лавку, которую когда-то подарили ему сердобольные торговцы, сказав: «Откройвай, молочную ли, зеленую, торгуй, живи здесь, а хочешь, и рисуй!.. Но береги ее, второй — не будет...» Итак, в одночасье продал он эту лавку, но денег оказалось мало; взял он из кассы и всю выручку — не только за день, от годовой торговли. Все до копейки потратил он на цветы и стал нищим.

Его вновь, как и в юности, ждали бездомность, одиночество. Лишь холсты и тетрадь стихов. Говорили, что он пишет стихи талантливые. Недаром его обожали поэты. Для него поэзия проясняла загадки Бытия. «Одиноким Пиросмани»...

Но даже такой «невесомый материал», как одиночество, сопротивлялся. Слишком часто у него отбирали не только кисти, но и вдохновение. Друзья-приятели затаскивали его в свои компании, наливали вина, одну кружку, вторую... Он чувствовал, что хмелеет... и начинал читать стихи. А после чтения уже ни за что не брал в рот ни капли спиртного. Это спасало от пьянства.

Рисовал он всегда. Краски были его воздухом. А что дают шашлык, так и это не за краски, а за характер, за доброе слово, за стихи... Ходил по грузинской столице высокий худощавый человек, ходил добрый, создававший благоуханный мир красоты, словно заново родился Дон-Кихот, но уже в Тифлисе... И как Дон-Кихот, полюбил он однажды и навсегда.

...В Лувре к картине «Маргарита» ежедневно подходила какая-то немолодая женщина. В ее глазах горел огонь. Продолжалось это, пока грузинские художники не заметили, что было нечто общее — в разрезе глаз, в выражении лица, в манере держать себя — между этой «постоянной зрительницей» и изображенной на картине «Актрисой». Так, Маргарита де Севр, живая, но постаревшая, снова увидела со своим Пиросмани, сожалея о незабываемых годах своей юности, о великой любви... Она только и сказала с затаенной гордостью собравшимся репортерам: «Не подумайте, что Пиросмани относился к актрисе Маргарите легкомысленно, нет, нет, он любил ее, как истинный рыцарь!»

Легенда об «актрисе Маргарите» обрела контуры реальности и вечную жизнь.

Пиросманашвили
Мико

21.01.98